

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 118

(Февраль).

1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦІИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: О печали по Бозѣ.— Можно ли клясться именемъ Божиимъ?—
Изъ воспоминаній объ о. Іоаннѣ Ильичѣ Кронштадтскомъ. II. I. II.— Вологод-
ская лѣтопись. I. II.

Прилагается къ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

О ПЕЧАЛИ ПО БОЗЪ.

Истинное жалѣніе и *печаль по Бозъ* въ томъ *состоитъ*, чтобы хрістіанину сокрушаться и жалѣть не ради лишенія вѣчнаго живота и послѣдующія въ адѣ казни, но ради того, что онъ Бога, Создателя, Искупителя и Промыслителя своего, Котораго долженъ паче всего почитать, любить и слушать, не почиталъ, не любилъ и не слушалъ паче всего, но паче себе, міръ и грѣхъ паче Его любилъ. Сія есть истинная печаль по Бозъ. О чемъ печалиться хрістіанину должно? О томъ, что онъ не отдавалъ Богу должнаго. Таковую печаль имѣющій, хотя бы и вѣчнаго живота и геенны не было, будетъ печалиться, плакать и стыдиться и самъ себя окаевать. Такою печалію сокрушенная душа всякую обиду, отъ ближняго понесенную, съ радостію проститъ; все противное и горькое, въ мірѣ семъ приключающееся, усердно терпитъ; и всего, какъ временнаго, такъ и вѣчнаго наказанія достойною себя признаетъ, вѣдая, что какъ нѣтъ ничего большаго и лучшаго паче Бога, такъ нѣтъ такой казни, которой бы недостойна была за оскорбленіе и безчестіе величества Божія. Таковая печаль отъ любви происходитъ, и есть истинная, хрістіанская, праведная по Бозъ печаль. Таковая печаль безъ сомнѣнія получаетъ отпущеніе грѣховъ, сколько бы ихъ не имѣлъ человѣкъ, получаетъ же ради неизреченнаго человѣколюбія Божія и изліянной пресвятой крови Хрїстовой. Кто кающійся сію печаль имѣетъ, тотъ причисляется благодатію Хрїстовою къ сынамъ Божиимъ, которымъ наслѣдіе вѣчнаго живота уготовано.

(Изъ твореній Тихона Задонскаго).

Можно-ли клясться именемъ Божиимъ?

Еще древніе лжеучители пелагіане, а вслѣдъ за ними и нынѣшніе—квакеры и менониты почитали грѣхомъ присягу. Въ настоящее время присягу отрицають наши сектанты молокане и толстовцы. Часто и нѣкоторые изъ старообрядцевъ въ бесѣдахъ съ православными упрекають Православную Церковь въ томъ, что она въ присягѣ допускаетъ священнослужителямъ и мірянамъ клясться именемъ Божиимъ: „обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его Евангеліемъ... Богъ обѣщанія моего свидѣтель“... Враги Православной Церкви Христовой говорятъ: „присяга есть величайшее зло, которымъ поддерживается насиліе и война. Христіанскіе учителя кощунствуютъ на самомъ Евангеліи. Христось ясно сказалъ: не клянитесь всяко“. Такъ разсуждають сектанты.

Разсмотримъ же, братіе христіане, можно ли клясться именемъ Божиимъ и по возможности постараемся предохранить православныхъ собратій отъ грѣховныхъ мнѣній лжеучителей.

Богъ заповѣдалъ народу Еврейскому съ горы Синая, чтобы онъ не клялся Его святымъ именемъ понапрасну. Господь Богъ и еще не разъ напоминалъ жестоковѣчному народу Свое запрещение *ложной* клятвы (Лев. 19, 12; Втор. 23, 21), но тѣмъ не менѣе Евреи иногда клялись во лжу именемъ Божиимъ. Чтобы обойти прямое запрещение Божіе относительно ложной клятвы, они измыслили особія клятвы—небомъ, землею, Іерусалимомъ, своею головою, и думали, что такія клятвы можно нарушить, такъ какъ въ нихъ не упоминается имя Божіе. Въ обличеніе и запрещение подобныхъ лукавыхъ клятвъ Господь и говоритъ: „не клянитесь всяко“, т. е. не клянитесь никакъ во лжу. Не клянитесь ни небомъ, которое есть мѣсто особаго присутствія Божія, престоль Божій, ни землею, которая есть подножіе ногъ Божіихъ, ни Іерусалимомъ, который называется городомъ Царя великаго, ибо въ немъ стоитъ единственный на землѣ храмъ Іеговы. Нельзя клясться головою своею, ибо жизнь человѣческая зависитъ только отъ Бога. Эти клятвы употреблялись у Евреевъ въ обыденныхъ разговорахъ, для подтвержденія истины и лжи, подобно тому какъ у насъ среди простого народа употребляются клятвы вродѣ—„глаза лопни“ „съ этого мѣста не сойти“, „разрази меня громъ небесный“, „провалиться мнѣ сквозь землю“, и т. п. Во всѣхъ подобныхъ клятвахъ, хотя имя Божіе прямо не называется, но подразумѣвается. Ихъ-то и запрещаетъ Господь.

„Не клянитесь всяко“—сказалъ Христось. Болѣе точный переводъ этихъ словъ такой: не клянитесь никакъ „вообще“.

Смысль заповѣди Христовой относительно клятвы нужно понимать такъ: вообще вы не клянитесь ни именемъ Божиимъ, ни другими предметами, относящимися къ этому имени. Таково общее правило.

Но изъ общаго правила всегда бываютъ исключенія.—Общее требованіе закона христіанскаго—не клясться никакими клятвами, но „да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ, а что сверхъ этого, то отъ лукаваго“. Что же это значить? Этими словами Господь повелѣваетъ христіанамъ, чтобы въ ихъ обществѣ была такая правдивость, что достаточно было бы простого утвержденія истины словами „да, да“, или отрицанія лжи словами „нѣтъ, нѣтъ“, т. е. чтобы христіане всегда говорили правду, и тогда безъ всякихъ клятвъ имъ всѣ будутъ вѣрны, и не нужны будутъ клятвы.

Они должны всегда и во всемъ—въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ руководиться истиною, простымъ утвержденіемъ или отрицаніемъ свидѣтельствовать свою правоту. „А что сверхъ этого“, т. е. усиленное посредствомъ какой-либо божбы завѣреніе, то „отъ лукаваго“: (Мар. 5, 37) то—по причинѣ зла, въ которомъ „міръ лежитъ“, отъ діавола, который есть „отецъ лжи“.

Зло міра такъ велико, козни діавольскія такъ хитроумны, люди такъ легко поддаются имъ, что для противодѣйствія имъ уже не достаточно одного простого завѣренія словами „да“ и „нѣтъ“, а потому приходится требовать клятвы именемъ Божиимъ, или присяги, какъ самого надежнаго средства въ подтвержденіи истины.

Въ основаніи присяги лежитъ страхъ Божій. Присягающій призываетъ въ свидѣтели истины своихъ словъ Бога Всевѣдущаго, Котораго обмануть нельзя, Бога Правосуднаго, Который лжца не оставитъ безъ наказанія. Люди во грѣхахъ рождаются и во грѣхахъ живутъ. Они бываютъ склонны ко лжи и почасту лгутъ, надѣясь на полную безнаказанность. А отъ этого бываетъ великое зло для общества, и для государства. Чтобы обезпечить общество отъ пагубныхъ послѣдствій лжи и обмана, богоустановленною властію и требуется присяга въ надеждѣ, что люди, не боящіеся лгать передъ собратьями, постыдятся и убоятся утверждать ложь предъ Лицемъ Божиимъ. Церковь Христова похваляетъ чадъ своихъ, жаждущихъ воцаренія правды на землѣ, когда люди сдѣлаются такъ честны, что достаточно будетъ сказать для увѣренія „да“ и „нѣтъ“. Можетъ быть и наступитъ когда-либо это время. Но пока такое время не наступило, пока царствуетъ въ мірѣ зло и люди склонны ко лжи и обману—каждый человекъ, на какой бы нравственной высотѣ онъ ни находился, долженъ подчиниться требованію присяги.

Клятва именемъ Божимъ, употребляемая въ присягѣ, не противна волѣ Божіей. Самъ Богъ повелѣлъ клясться Его святымъ именемъ: *Господа Бога твоего убоишися,—и Тому единому послужиши, и къ Нему прильпшиши, и именемъ Его клянешися* (Втор. 6, 13; 10, 20; Исх. 19, 18; Иер. 12, 16; 4, 2),—и Самъ Онъ Всеправедный клялся Давиду, когда обѣщалъ ему преемственное наследіе царскаго престола (Пс. 131, 11) и происхожденіе изъ его сѣмени Великаго Потомка, царству Котораго не будетъ конца (Дѣян. 2, 30; Ак. 1, 32—33). Клялись именемъ Божимъ Св. Ангелы. Такъ пророкъ Даниилъ видѣлъ ангела, который „клялся Живущимъ во вѣки“ (Дан. 12, 7). „И ангель его же видѣхъ,—говоритъ Св. Іоаннъ Богословъ,—стояща на мори и на земли, воздвиже руку свою на небо, и клятся Живущимъ во вѣки вѣковъ, Иже созда небо, и яже на немъ, и землю, и яже на ней и море, и яже въ немъ“ (Апок. 10 г. 5—6). Клялся Богу святой царь и пророкъ Давидъ, говоря: „помяни, Господи, Давида и всю кротость его, яко клялся Господеви, обѣща Богу Іаковлю“ (Пс. 131). Самъ Богъ чрезъ пророка Исаію предсказалъ о новозавѣтной клятвѣ, говоря: „*работающимъ же Мнѣ наречется имя новое, еже благословится на земли, благословятъ бо Бога истиннаго и клянуущіися на земли клятися будутъ Богомъ истиннымъ*“ (65, 15. 16).

Наши сектанты утверждаютъ, что все, относящееся къ ветхому завѣту, Христось отмѣнилъ и далъ Новый Законъ, которымъ отвергается и клятва. Но это не правда. Христось Спаситель Самъ засвидѣтельствовалъ, что Онъ пришелъ *не разорити законъ, или пророки: не придохъ разорити, но исполнити*. Всѣ нравственныя требованія, предъявленныя Богомъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, остаются въ полной силѣ; но Христось восполняетъ ихъ новыми чертами, которыя были незнакомы древнему міру. Что свято было въ Ветхомъ Завѣтѣ, то можетъ ли быть грѣшнымъ дѣломъ въ Новомъ Завѣтѣ? И заповѣдь о клятвѣ Христось не запрещаетъ, не отмѣняетъ совершенно, но указываетъ, что Христіанамъ, искушеннымъ Его Кровію и пользующимся всѣми благодатными дарами Духа Святаго, неудобно клясться во всѣхъ случаяхъ обыденной жизни. Въ вещахъ же важныхъ, особенно по требованію начальства, клятва допустима, что Христось и подтвердилъ собственнымъ примѣромъ на судѣ у первосвященника. На вопросъ послѣдняго: *заклинаю Тебя Богомъ Живымъ, скажи намъ, Ты ли Христось, Сынъ Божій, Господь* отвѣтилъ: *ты сказалъ*. У Евреевъ судья произносилъ клятвенную формулу, а обвиняемый, вмѣсто повторенія клятвенныхъ словъ, какъ дѣлается у насъ, усвоилъ себѣ клятву словами „аминь“, „да будетъ такъ“, „ты сказалъ“ (Мѡ. 26, 63—64). Если бы клятва была за-

прещена Христомъ, то св. апостолъ Павелъ не призывалъ бы Бога въ свидѣтели истины своихъ словъ, какъ то дѣлаетъ онъ въ своихъ посланіяхъ. (Читайте: Рим. 1, 9; 9. 1—2 Кор. 1, 23 ст. 2, 18—Гал. 1, 20; Филип. 1, 8. 1 Сол. 2, 5 Евр. 6, 16). Тотъ же апостолъ свидѣтельствуетъ, что въ его время употреблялись клятвы, которыми оканчивались важные споры (Евр. 6. 16). Все это показываетъ, что закономъ христіанскимъ не возбраняются клятвы во всѣхъ важныхъ случаяхъ.

Да иначе нельзя и думать: вдумайтесь, чѣмъ вызывается клятва? Откуда она произошла? „Если бы не было грѣха на землѣ, то не было бы и лжи, не было бы и подозрѣнія во лжи, а потому не нужна была бы никакая клятва. Но люди согрѣшили, стали лгать и обманывать другъ друга. А гдѣ возможенъ обманъ, тамъ законно и подозрѣніе. Чѣмъ же люди могли удостовѣрить истину своихъ обѣщаній, когда это было необходимо? Какою силою заставить ихъ свято и честно исполнять свои обѣщанія? Осталось одно: связать ихъ совѣсть страхомъ суда Божія. И вотъ, когда это необходимо, человѣкъ ставитъ себя предъ Лицемъ всемогущаго Бога и какъ бы такъ говоритъ ближнему: „ты можешь не вѣрить мнѣ, потому что и я такой же грѣшникъ, какъ и ты. Но и надо мною, и надъ тобою есть Богъ всевидящій, всемогущій и правосудный. Пусть Онъ будетъ свидѣтелемъ и споручникомъ моего обѣщанія. Я призываю Его страшное Имя, я молю Его, чтобы помогъ мнѣ исполнить слово мое и не шадилъ меня, если я не сдержу его. Повѣрь Богу—Судіи праведному, что я буду вѣренъ своему обѣщанію!“ Такъ произошла клятва Именемъ Божиимъ. Благоговѣнное клятвенное призываніе Имени Божія есть въ сущности таже молитва: это вопль души грѣшной къ Богу всемогущему, чтобы Онъ укрѣпилъ ее—слабую, исполнить доброе обѣщаніе во славу Его же святаго Имени, чтобы устранилъ препятствія, какія всегда встрѣчаются въ дѣлѣ добромъ. Это жалоба, которую грѣшникъ приноситъ Богу на свою же грѣховность: „вотъ, Господи, до чего я довелъ себя своими грѣхами: ближній мой не вѣритъ мнѣ... Будь же Ты, Всемогущій, посредникомъ между нами и свидѣтелемъ моего обѣщанія!“ И Господь не только дозволилъ, но и Самъ, снисходя немощи человѣческой, Своимъ Божественнымъ примѣромъ освятилъ клятву: *Мною клянусь*, говорилъ Онъ Аврааму.

И Церковь Христова во всѣ времена позволяла сынамъ своимъ въ особо важныхъ случаяхъ клясться именемъ Божиимъ. Такъ о клятвѣ въ первые вѣка христіанства свидѣтельствуетъ Іоаннъ Дамаскинъ, говоря: „зане и у насъ клятвою взаимніи завѣты утверждаются“ (Кн. ст. 1 гл. 14). Преподобный Ефремъ Сиринъ говоритъ въ своемъ завѣщаніи: „я, Ефремъ, умираю и

пишу завѣщаніе... клянусь Снисходившимъ на гору Синайскую и Вѣщающимъ изъ камня (Исх. 17, 7), клянусь устами Возопившаго *Элои* (Мар. 16, 34) и Приведшаго тѣмъ въ содраганіе всю тварь; клянусь Тѣмъ, Кто проданъ былъ Иудею и биенъ въ Иерусалимѣ... (Твор. Ефр. ч. 5). Клялись Богомъ святые мученики *Іамлихъ* и *Аполлоній*, клялись преподобные: *Зосима*, *Павель Препростый* и другіе. Клятва употреблялась и на Вселенскихъ Соборахъ—пятомъ и шестомъ.

И такъ, братіе, вы ясно видите, что клятва, допускаемая въ Церкви Христовой, вполне согласна съ закономъ Божиимъ, не противорѣчитъ ему. Уклоненіе отъ присяги нѣкоторыхъ членовъ общества подъ предлогомъ личной честности и яко бы благоговѣнія къ заповѣди Христа—достойно порицанія. Въ первомъ случаѣ горделиво выставляется личный авторитетъ честности, вмѣсто авторитета имени Божія, а во второмъ—ученикъ не слѣдуетъ примѣру Учителя, Который не отказался отъ клятвы по требованію *Каіафы*.

Такъ учить о присягѣ Святая Церковь, которая есть „столпъ и утвержденіе истины“. Пребудемъ во вѣки въ повиновеніи ей, всегда и во всемъ прислушиваясь къ ея любвеобильному голосу. Постараемся и братій своихъ удержать на пути правды и предохранить ихъ отъ лжемудрованій непризванныхъ богослововъ.

Изъ воспоминаній объ о. Іоаннѣ Ильичѣ Кронштадскомъ.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Лальска въ Петербургъ въ Январѣ текущаго года, въ одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ, именно 15 Января, навѣстилъ меня одинъ изъ Лальскихъ священниковъ о. В. Н. К...овъ. Я читалъ листки „Церковнаго Слова“ для нѣкоторыхъ изъ моихъ гостей. Кончилось чтеніе. Побесѣдовали по поводу этого назидательнаго изданія. Гости ушли, а о. Владиміръ остался. Разговоръ незамѣтно перешелъ на другіе предметы. Заговорили о недавно почившемъ, великомъ все-россійскомъ пастырѣ о. Іоаннѣ Ильичѣ Кронштадскомъ. Я рассказалъ, что много разъ въ жизни, по просьбѣ моихъ прихожанъ, мнѣ пришлось письменно просить о молитвѣ о. Іоанна за того, или другаго изъ моихъ страждущихъ пасомыхъ. Слѣдиль я за послѣдствіями моихъ писемъ всегда внимательно и видѣлъ, что, по мѣрѣ вѣры, мои пасомые никогда не оставались безъ утѣшенія. Но одинъ случай поразилъ и меня. Давно не отличающійся хорошимъ здоровьемъ крестьянинъ дер. Животова Цѣляковской волости Устюжскаго уѣзда Георгій Грудношинъ, лѣтъ 40, заболѣлъ тяжело. Это было назадъ тому лѣтъ 8—9. Исповѣ-

давь и причастивъ больного, я замѣтилъ, что состояніе здоровья сто безнадежное, и остановился, чтобы побесѣдовать съ больнымъ и его женою. Слава о благодатной силѣ молитвы покойнаго о. Іоанна тогда уже пронеслась по всѣмъ уголкамъ нашей матушки Руси. Не столько самъ больной, сколько жена его меня стала просить, чтобы я въ свою очередь попросилъ о. Іоанна помолиться о болящемъ. Ужъ слишкомъ долго и тяжело страдалъ больной отъ какой-то не поддающейся точному опредѣленію болѣзни. Я почувствовалъ въ своей душѣ непритворное состраданіе къ больному и къ скорби жены его, но въ то же время видѣлъ, что у того и другаго изъ нихъ слишкомъ слаба и не со всѣмъ правильна вѣра. Мнѣ казалось, что оба они не ясно понимаютъ, кто можетъ возвратитъ здоровье больному и о чемъ можно и должно просить о. Іоанна, какъ любвеобильнаго служителя Божія. Объяснивъ дѣло, и укрѣпивъ вѣру, я не отказалъ имъ въ удовлетвореніи просьбы, а посоветовалъ только, что если больному еще будетъ хуже и тяжелѣе, то хорошо бы еще ему и особороваться. Оба они согласились. Возвратившись домой немедленно написалъ я письмо о. Іоанну и горячо просилъ его помолиться о болящемъ рабѣ Божиємъ Георгіѣ. Но больному становилось все хуже и хуже. Спустя трое сутокъ послѣ напутствія, меня пригласили его особоровать. Больной былъ въ сознаніи, но уже такъ слабъ, что съ трудомъ говорилъ. Я спросилъ его,—не гаснетъ-ли его вѣра въ милость Божию и силу молитвы о. Іоанна.—„Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ мнѣ убѣжденно.—Ну, хорошо. Вотъ уже три дня прошло, какъ я послалъ письмо о. Іоанну. Жди, надѣйся, молись умомъ и сердцемъ Богу непрерывно и прими съ любовію отъ Него все, что ни послалъ бы Онъ тебѣ,—и жизнь, и смерть, а пока помолнмся теперь вотъ и мы грѣшныя.—Не помню уже я, въ силахъ ли былъ больной держать свѣчу въ рукахъ, во время елеосвященія, но хорошо помню, что, прощаясь съ нимъ послѣ совершенія таинства я думаю, что конечно, дивенъ Богъ во Святыхъ Своихъ, дивенъ Онъ и въ грѣшникахъ, но было-бы явное чудо, еслибы ты, мой больной, взнемогшій до крайней степени, снова возвратился къ жизни. Прошло еще для больного мучительныхъ пять дней,—и легче нѣтъ, и смерти нѣтъ. Наконецъ на девятый день, послѣ отсылки письма о. Іоанну, получаю съ Животова вѣсть, что Георгію стало легче. Это былъ день, когда покойный о. Іоаннъ, получившій мое письмо, молился за божественною литургіею и о моемъ болящемъ. Поправляясь затѣмъ мало по малу, Георгій наконецъ выздоровѣлъ совершенно и здравствуетъ до сего дня, хотя, какъ было и прежде, здоровье его нельзя назвать цвѣтущимъ. Вотъ фактъ явной милости Божіей, по молитвамъ почившаго въ Бозѣ

о. Іоанна Ильича, гдѣ я, недостойный пастырь, являюсь живымъ и непосредственнымъ свидѣтелемъ. Если хотите, не называйте его чудомъ, но никто не можетъ отвергнуть его, какъ фактъ, ибо, кромѣ меня и жены болѣвшаго, живъ и тотъ самый человѣкъ, надъ которымъ совершился онъ.

— Встрѣчались ли вы съ о. Іоанномъ? спросилъ меня о. Владиміръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, никогда,—ни прежде, ни нынѣ, хотя о возможности встрѣчи и говорить нечего, она всегда была. Теперь же остается мнѣ поклониться ему уже на могилкѣ и тамъ поблагодарить его за его великіе труды и пламенные молитвы о всѣхъ и за вся.

— Значить, я счастливѣе васъ, замѣтилъ мнѣ о. В.ъ.—Я не только видѣлъ его, но ѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ на пароходѣ, бесѣдовалъ съ нимъ на растояніи бо-ти верстъ, удостоился служить съ нимъ божественную литургію и наконецъ, по его пламенной молитвѣ, я видѣлъ чудо милости Божіей, явленной мнѣ.

— О, расскажите пожалуйста поподробнѣе, какъ все это произошло. Вѣдь это теперь и благовременно, и любопытно, и поучительно. И наконецъ какъ это удобно! Посмотрите, теперь ночь, и мы съ вами одни.

И о. Владиміръ Н. К.овъ, ни мало не возражая, рассказалъ мнѣ слѣдующее.

— Когда я былъ священникомъ на Евдѣ, около Краснаго Бора на Двинѣ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, такъ началъ свои разсказы о. Владиміръ,—прошло съ тѣмъ поръ уже лѣтъ 10-ть,—у меня захворала серьезно жена. Здоровье ея и въ молодости, какъ и нынѣ, было хрупкое. Замѣтивъ, что мѣстная медицинская помощь не въ силахъ остановить развитіе ея болѣзни, я посгѣшилъ отправить ее въ Устюгъ къ родителямъ ея, которые были живы. Вы знаете, добавилъ онъ, у кого я женатъ ¹⁾. Дѣло происходило лѣтомъ. И скоро, и благополучно больная моя прибыла въ Устюгъ на пароходѣ, къ своимъ родителямъ, которые пригласивъ хорошаго врача, заботливо занялись ея лѣченіемъ. Но упорная болѣзнь и тамъ, какъ дома, не поддавалась лѣченію, а все болѣе и болѣе усиливалась. Меня конечно покойный тестъ въ письмахъ успокаивалъ, но добавлялъ, что все еще здоровье моей больной не возстановилось. Времени прошло уже много. Письма изъ Устюга уже долгонько не было. Тревожусь. И вдругъ приносятъ телеграмму: „выѣзжайте немедленно, Анюту завтра будемъ соборовать“. Никакой ударъ грома, никакая вне-

¹⁾ У покойнаго протоіерея Успенскаго Прокопьевскаго собора Д. В. Попова.

запность другая, кажется, не поразила бы меня такъ страшно, какъ эта телеграмма. Въдъ мнѣ тогда было еще 30 съ чѣмъ то лѣтъ и пятеро дѣтей малъ—мала-меньше; ну, думаю, пропала моя головушка.—Моя Анята или уже больна безнадежно, или быть можетъ уже и умерла. Но малодушествовать было не время, нужно было приискать надежнаго человѣка, съ которымъ можно было бы болѣе или менѣе спокойно оставить дѣтей, распорядиться о работахъ по хозяйству и съѣздить къ о. Благочинному за отпускомъ. Въ теченіе дня (это была суббота) мнѣ удалось устроить болѣе, или менѣе все успѣшно. Около полуночи я выѣхалъ на берегъ Двины на пароходную пристань, чтобы здѣсь дожидаться перваго парохода, идущаго въ Устюгъ. Ждать парохода мнѣ пришлось не долго, но попасть на пароходъ оказалось нелегко. Ночь была темная. Пароходъ оказался какимъ то частнымъ. Пассажировъ на берегу было—не я одинъ,—не мало. И что же? На просьбы пассажировъ, капитанъ отвѣчалъ: пароходъ, видите, у насъ маленькій, помѣститъ васъ некуда, да, кажется и не приказано, добавлялъ другой голосъ.—Ну, думаю, и здѣсь не задача, придется ждать другаго парохода, который Богъ знаетъ еще когда и будетъ. Пароходство на Двинѣ тогда было еще не срочное. Къ счастью однако, кто-то изъ пароходской прислуги, выходявшій на берегъ, меня замѣтилъ и, слышу, шепчетъ капитану, что на берегу стоитъ и просится на пароходъ священникъ. Ладно-ли будетъ, если и его на пароходъ не примете? И въ ту же минуту я былъ приглашенъ на пароходъ, гдѣ и устроился на полу на палубѣ между старушками. Онѣ потѣснившись дали мнѣ мѣсто и спросили меня, знаю ли я, что на этомъ маленькомъ пароходѣ ѣдетъ о. Іоаннъ Кронштадскій. И удивился, и обрадовался я, услышавъ отъ старушекъ такую слишкомъ пріятную вѣсть. Отъ одной этой вѣсти и на душѣ у меня стало легче. Здѣсь его я увижу, повѣдаю ему свое горе, и тамъ далѣе уже что Богъ дастъ.—За все слава Ему. Подъ послѣднимъ, пріятнымъ впечатлѣніемъ, успокоивъ нѣсколько самъ себя небезнадежными размышлениями, заснулъ я крѣпко, но не надолго. Въ 5 часовъ утра я уже былъ на ногахъ и удостоился въ тоже время впервые видѣть о. Іоанна. Увидавъ меня, онъ быстро подошелъ ко мнѣ, улыбаясь и говоря: а, батюшка, здравствуйте! Куда это? Въ Устюгъ ѣдете?—Хорошо, хорошо. Вотъ будемъ служить вмѣстѣ на Котласѣ. Хотите?—Мнѣ оставалось только благодарить за приглашеніе. Усѣлись и стали поджидать Котласа, который былъ уже видѣнъ. Подходя къ Котласу, капитанъ доложилъ о. Іоанну, что пароходъ къ берегу не подойдетъ на Котласѣ: на берегу и въ водѣ у берега все завалено камнями. Нужно замѣтить, что тогда строилась здѣсь желѣзная дорога и—капитанъ былъ правъ,—вездѣ были груды

камня и лѣса. Но о. Іоаннъ твердо сказалъ: иди прямо къ берегу и остановись противъ церкви. Капитанъ повиновался, пароходъ свободно подошелъ къ самому берегу противъ церкви, гдѣ для подъема на крутой и высокій берегъ была устроена лѣсенка—стремянка. У меня въ головѣ мелькнула мысль, да какъ же знаетъ о. Іоаннъ, что прямо церкви можно подойти пароходу къ берегу свободно? Но размышлять было некогда. Было уже 6 часовъ утра, къ заутрени на церковной колокольнѣ звонили уже „во вся“. О. Іоаннъ быстро сдѣлалъ всѣ распоряженія, первый поднялся по стремянкѣ на высокій и обрывистый берегъ. За нимъ слѣдовали его спутникъ о. Г..., если не ошибаюсь, съ ризницею, и я. Народа на берегу было мало. Очевидно, никто и не подозревалъ, что на Котласѣ сегодня будетъ служить всероссійскій пастырь, общій народный любимецъ. Когда вошли мы въ церковь, пѣли уже стихиры „на Господи възвахъ“... Представляю же себѣ изумленіе мѣстнаго священника о. Феодосія Кузнецова, когда о. Іоаннъ, приложившись къ престолу, отрекомендовался ему и просилъ позволенія, совмѣстно съ нимъ и нами, сегодня служить здѣсь божественную литургію!—„Вы, сказалъ за тѣмъ о. Іоаннъ, продолжайте служить заутреню, а о. Геннадій, послѣ входа, будетъ читать входное, облачаться и совершать проскомидію, а я пойду на клиросъ пѣть и читать. Читалъ и пѣлъ онъ съ псаломщикомъ дѣйствительно со всѣмъ усердіемъ и выразительностію. Прошло нѣсколько минутъ. Точно электрическій токъ пробѣжалъ по хижинамъ окрестнаго населенія. Небольшая церковь скоро уже не вмѣщала богомольцевъ. Появились откуда-то сотни просфоръ и поминальниковъ. По окончаніи заутрени, прочитано входное. О. Іоаннъ у жертвенника. Вынувъ изъ кармана большую пачку тереграммъ и записокъ, онъ встаетъ на колѣни и начинаетъ въ слухъ всѣхъ свою пламенную молитву, поименно прося милости у Господа тѣмъ, о комъ молится. Тогда-то и я спохватился, нашелъ лоскутокъ бумаги, написалъ на немъ нѣсколько именъ и, подавъ записку о. Іоанну, просилъ его особенно помолиться о болящей рабѣ Божіей Аннѣ. Я видѣлъ, какъ онъ молился сначала у жертвенника, а потомъ уже у престола, стоя на колѣняхъ съ южной стороны и положивъ на него свои руки и главу на нѣсколько минутъ. Увы! Мы грѣшныя не умѣемъ такъ молиться. Не горитъ наше бѣдное сердце такъ пламенно ни вѣрою, ни любовію къ Господу Богу!...

Такъ же пламенно, какъ и за проскомидіей, если еще не болѣе сосредоточенно молился о. Іоаннъ и во время совершенія имъ божественной литургіи. Но объ этомъ говорить мы не будемъ. Всѣмъ извѣстно, что силою своей необыкновенной молитвы во время литургіи незабвенный пастырь воспламенялъ духъ и

сослужащихъ съ нимъ священнослужителей, невольно увлекая сердца ихъ „горь“, со слезами на глазахъ, особенно въ первый разъ. Такъ было и здѣсь. Но вотъ обѣдня кончена. Поученія, кажется, не было. Объявивъ, что долженъ снѣшить, о. Іоаннъ отклонилъ приглашеніе священника посѣтить его домъ, быстро пошелъ чрезъ тѣсную толпу народа въ церкви и на улицѣ и какъ только вошелъ на пароходъ, этотъ послѣдній немедленно понесся по Двинѣ по направленію къ Устюгу, до котораго отъ Котласа считается 60 верстъ. На пароходѣ я былъ приглашенъ о. Іоанномъ въ каюту его къ чаю. Здѣсь онъ успокоилъ меня въ отношеніи болѣзни жены, убѣжденно сказавъ, что она будетъ здорова. Здѣсь же въ бесѣдѣ съ нимъ провелъ я нѣсколько часовъ, послѣ того, какъ онъ, прочитавъ нѣсколько стиховъ изъ кармааннаго Евангелія и посидѣвши въ молчаніи нѣкоторое время, удостоилъ меня бесѣды объ Устюгѣ, его святыхъ и древностяхъ. Счастливыя это были для меня мгновенья. — И это понятно и справедливо. Но вотъ заблѣлись на горизонтѣ и Устюжскіе храмы Божіи. Пресвятая Богородица спаси насъ! Святые и праведныя Прокопѣ и Іоанне молитѣ Бога о насъ! — Тихо, молитвенно говорилъ о. Іоаннъ. Еще полчаса, и пароходъ сталъ входить въ черту города, растянувшася по набережной версты на двѣ съ половиной. Чѣмъ ближе подходилъ пароходъ къ пристани въ центрѣ города, тѣмъ больше и тѣснѣе становились толпы народа по всей набережной. Очевидно, здѣсь ждали о. Іоанна, обѣщавшагося на обратномъ пути изъ Архангельска служить въ Устюгѣ. Долго, мягко и любовно смотрѣлъ покойный батюшка о. Іоаннъ на эту, въ такой массѣ встрѣчающую его, Устюжскую православную паству и наконецъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „нѣтъ ужъ до другаго раза—кланяйтесь о. протоіерею.—Теперь снѣшу и въ Устюгъ не буду, хотя и обѣщавъ.—Прощайте!“ Простившись, я никакъ не могу отойти отъ него. Мнѣ жаль разстаться съ нимъ. Понявъ мое душевное состояніе, о. Іоаннъ говоритъ мнѣ: „да идите же! Вонъ на берегу стоитъ ваша Анята и давно уже ждетъ васъ“. Я еще разъ поклонился и пошелъ, размышляя, что такое еще сказать мнѣ наконецъ этотъ чудный пастырь? Ринулся было народъ и духовенство на пароходъ къ о. Іоанну, но пароходъ тотчасъ же, спустивъ нѣсколько человекъ Устюжскихъ пассажировъ на берегъ, сталъ отчаливать и пошелъ въ Вологду.—„Прощай, дорогой батюшка!—Счастливый путь! Что же къ намъ то не пожаловалъ! Благослови ты насъ,“ раздавалось съ берега. А онъ, какъ свѣча, стоитъ на палубѣ благодушный, ласковый и осѣняющій наперснымъ крестомъ своимъ просящихъ благословенія.

— Не успѣлъ я, говорить о. В., сдѣлать и десяти шаговъ, сойдя на берегъ, какъ увидѣлъ, что передо мною стоитъ и улыбается моя жена.—Анюта!—Это ты?—Да вѣдь тебя хотѣли сегодня соборовать?—Ты была опасно больна? Или вы такъ безсердечно пугаете меня телеграммой? Объясни Бога ради!

— А вотъ поѣдемъ домой, и я расскажу тебѣ все. Да, я была больна очень. Дѣйствительно рѣшено было соборовать меня сегодня и сегодня по утру мнѣ было еще очень худо. Но потомъ часу въ 8-мъ мнѣ стало казаться, что я выздоравливаю, попробовала себя,—да, чувствую, что мнѣ лучше и лучше. Около же полудня стало извѣстно, что прїѣдетъ сегодня сюда съ Котласа на пароходѣ о. Юаннъ Кронштадскій, а съ нимъ, думала я, вѣроятно и ты. И вотъ я вдругъ послѣ полудня объявила своимъ бабюшкѣ и матушкѣ, что пойду на пристань встрѣчать тебя и о. Юанна. Меня конечно назвали сумасшедшей, не вѣрили моему выздоровленію, но удержать не могли. Одѣлась, ушла, видѣла о. Юанна, тебя встрѣтила, я счастлива и здорова.

Но вотъ мы въ домѣ моего тестя. Здѣсь я принужденъ былъ выслушать весь запасъ упрековъ и сѣтованій по адресу моеѣ „сумасшедшей“ больной. Но выслушавъ все, я сказала: теперь и мнѣ позвольте сообщить вамъ мою чудную повѣсть о томъ, что пережила я за эти послѣднія сутки. Въ глубокомъ молчаніи, со слезою на глазахъ была выслушана мой безъискусственный рассказъ обо всемъ, что было со мною за эти послѣднія сутки и какъ наконецъ, къ моему изумленію, о. Юаннъ, никогда въ жизни не выдавшій Анюты, провожая меня, сказалъ: — „да идите же, вонъ, она стоитъ на берегу и давно уже ждетъ васъ“. Покойный тесть мой былъ если и не безусловный скептикъ, то во всякомъ случаѣ человѣкъ никогда никому и ничему скоро и легко не довѣрившій, выслушивъ меня до конца, всталъ съ мѣста, помолился передъ святыми иконами, благословилъ такъ чудно и быстро выздоровѣвшую, вѣрую твердо, по молитвѣ о. Юанна, мою больную жену, поцѣловать ее и сказалъ, теперь и я вѣрую, что ты уже здорова, именно по молитвѣ о. Юанна.—Не послужилъ онъ у меня въ соборѣ, но чудно и съ лихвою утѣшилъ меня инымъ способомъ.

П. А. П.

29 Января
1909 г.

ВОЛОГОДСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Въ лѣтописи Вологодской церковной жизни нельзя не отмѣтить факта, имѣвшаго мѣсто въ Вологодскомъ вокзалѣ 20 января сего года, факта, который краснорѣчиво показалъ, что не смотря на оскуднѣніе вѣры и благочестія, не мало еще осталось людей вѣрныхъ Церкви святой не только въ простомъ народѣ, но и въ интеллигенціи, служиломъ классѣ.

По осени среди служащихъ Вологодской желѣзной дороги явилось желаніе имѣть возможность вмѣстѣ со своими семьями молиться въ зданіи вокзала, въ часы досуга отъ служебныхъ занятій присутствовать при совершеніи всеобщихъ бдѣній наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Они обратились къ Настоятелю Спасо-прилуцкаго монастыря съ просьбою поставить вмѣсто небольшой издавна находившейся иконы преп. Димитрія и Игнатія Прилуцкихъ чудотворцевъ новую икону съ приличнымъ кіотомъ, чтобы предъ св. иконою теплилась лампадка, имѣющая религіозную потребность не только изъ служащихъ, но и пассажировъ могли бы ставить свѣчи и молиться при совершеніи богослуженія. Желѣзнодорожные служащіе усердно начали жертвовать свои лепты на это св. дѣло. Особенную ревность и энергію проявили г. начальникъ станціи В. А. Мягковъ и оберъ-кондукторъ П. В. Подосеновъ. Къ половинѣ января кіотъ съ иконою Угодниковъ были поставлены на вполнѣ приличное и удобное мѣсто въ залѣ III класса.

20 Января совершенно было освященіе кіота и иконы, а также водосвятный молебенъ настоятелемъ Спасо-прилуцкаго монастыря въ сослуженіи казначея и священника Екатеринбургской церкви о. Николая Караулова, духовнаго отца большинства служащихъ въ вокзалѣ. Пѣлъ хоръ пѣвчихъ подъ управленіемъ желѣзнодорожнаго же служащаго. Большой залъ III класса полонъ былъ народа. На торжествѣ освященія иконы присутствовали всѣ начальствующие лица: начальники пути, движенія, станціи, инженеры и др. лица. По желанію служащихъ въ вокзалѣ всѣ исключительно помѣщенія его окроплены были св. водою. Религіозное одушевленіе было сильное. Предъ иконою горѣло множество свѣчей—выраженіе усердія молившихся.

Настоятель Прилуцкой обители въ концѣ молебствія сердечно благодарилъ всѣхъ служащихъ за ихъ усердіе и содѣйствіе въ сооруженіи образа преподобныхъ.

Около шести вѣковъ тому назадъ, говорилъ онъ, изъ-за Москвы въ Комельскую область пришелъ великій подвижникъ Димитрій. Комельскіе жители отнеслись къ нему враждебно. Подвижникъ направился къ Вологдѣ. Вологодскій народъ принялъ Димитрія какъ Ангела Божія, не только принялъ, но и съ великимъ усердіемъ помогъ ему соорудить св. обитель. Въ Прилукахъ на Вологдѣ загорѣлся свѣтильникъ вѣры и благочестія,

указывавшій истинные пути жизни, и согрѣвавшій страждущія сердца, явился великій молитвенникъ и предстатель предъ Богомъ за градъ Вологду и ея обитателей. Сколько бѣдъ и несчастій вынесла Вологда за эти шесть вѣковъ? И болѣзни, и глады, и нашествія иноплемениковъ—поляковъ, литовцевъ. До сихъ поръ цѣла и обращаетъ вниманіе посѣтителей обители та келья, гдѣ было убито литовцами 300 иноковъ. Преподобный Димитрій хранилъ и обитель и городъ отъ конечнаго раззоренія. Извѣстны явныя проявленія небеснаго заступничества преподобнаго за вологжанъ.

Черезъ полтора ста лѣтъ послѣ кончины преп. Димитрія въ вологодской тюрьмѣ томился въ продолженіи тридцати лѣтъ узникъ-князь Іоаннъ Андреевичъ. Оторванный отъ родителей (отецъ его былъ лишенъ жизни) послѣ спокойной и счастливой жизни въ княжескихъ палатахъ, нѣгѣ и довольствѣ, юный Іоаннъ не за преступленія, а изъ опасенія, какъ бы не сдѣлался вреднымъ для великаго князя, попалъ въ душную и темную камеру тюрьмы, былъ закованъ въ тяжелыя цѣпи. Трудно жилось страдальцу. Единственное утѣшеніе находилъ онъ въ молитвѣ предъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, всѣхъ скорбящихъ радости, и въ мечтѣ принять иночество. Не задолго до смерти Іоаннъ Андреевичъ облеченъ былъ въ ангельскій образъ и названъ Игнатіемъ. Преп. Игнатіи погребенъ въ ногахъ Угодника Божія Димитрія.

Предъ нами образъ сихъ преподобныхъ. Подобно древнимъ благочестивымъ вологжанамъ и вы, братія о Христѣ, съ любовью приняли къ себѣ Прилуцкихъ подвижниковъ въ ихъ пречестныхъ ликахъ, не только приняли, но и усердно содѣйствовали сооруженію вновь освященной иконы и кіота. Господь сказалъ: аще кто приметъ пророка во имя пророка, мзду пророчу приметъ. За принятіе праведниковъ Господь наградитъ васъ и утѣшитъ, а въ утѣшеніи всѣ нуждаются. Нынѣ люди поглощены въ заботы о житейскомъ, о тѣлесномъ, всюду суета суетъ. Но какъ бы человекъ ни былъ счастливъ по тѣлесному, онъ не можетъ заглушить голоса совѣсти своей, не можетъ заставить замолчать свое сердце, тоскующее о вѣчномъ и небесномъ, не можетъ успокоиться, не получивъ разрѣшенія на тревожащія дуню вопросы о своемъ назначеніи, о конечной цѣли жизни. Молитва предъ иконою великаго подвижника и учителя истинной жизни умирить духъ, преподобный откроетъ сокровищницу, изъ которой можно почерпнуть отвѣты на волнующіе душу вопросы.

Въ мірѣ всегда было и есть много скорбей. И у васъ есть скорби семейныя, служебныя и др. Но нынѣ скорби усугубляются тѣмъ, что люди стали слишкомъ малодушны. Когда снѣдается вамъ горе, когда не знаете, что дѣлать съ собою, съ вѣрою взирайте на образъ великаго страдальца преп. Игнатія, онъ, опытомъ жизни познавшій всю тяготу скорбей, по молитвѣ вашей сниметъ съ души тяжелое бремя, успокоитъ васъ, подкрѣ-

пить духъ вашъ. Не мало собирается сюда людей случайныхъ изъ разныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества, пассажировъ съ разнымъ душевнымъ настроениемъ; не рѣдко они ищутъ возможности найти гдѣ-нибудь удовлетвореніе религіозной потребности, они рады будутъ помолиться предъ св. иконою, чтобы получить утѣшеніе, успокоеніе столь иногда необходимое для путниковъ. Они помолятся и о тѣхъ, кто помогъ имъ удовлетворить влеченіе своего сердца.

Отъ имени обители приношу вамъ, братія о Христѣ, участвовавшія въ сооруженіи кюта и иконы сей, сердечную благодарность и молю Бога, да по молитвамъ угодниковъ своихъ Димитрія и Игнатія воздастъ Онъ вамъ за трудовыя лепты, за усердіе и вѣру сторицею.

Усердствовавшимъ въ сооруженіи образа произнесено было многолѣтіе.

Вблизи иконы предполагается устроить продажу книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія, о чемъ уже возбуждено ходатайство предъ соответствующимъ начальствомъ.

I. H.

ОТЪ РЕДАКЦИИ:

Въ № 116 Церковнаго слова на стр. 250 въ пунктѣ 6-мъ напечатано: „И посмотри какъ это бываетъ: зрѣніе своихъ недостатковъ и согрѣшеній, отъ зрѣнія согрѣшеній—осужденіе себя“ и т. д.

Мѣсто это слѣдуетъ читать такъ: „И посмотри какъ это бываетъ: отъ вниманія—зрѣніе своихъ согрѣшеній и недостатковъ, отъ зрѣнія согрѣшеній—осужденіе себя“ и т. д.

Новый „Троицкій цвѣтокъ“:

Бесѣда о томъ,

ОТКУДА ПОШЛА НАУКА

и вѣруютъ ли въ Бога

ЛЮДИ УЧЕНЫЕ.

Ц. 6 к., съ перес. 8 к.

Выписывать можно: Вологда Соборная площадь, въ свѣчной лавкѣ Братства Вс. Спаса, въ Редакціи „Троицкихъ Листковъ“ Сергіевъ пос., Троицк. Лавра и „Церковнаго Слова“.

Цезарь прот. *Н. Якубовъ.*

Редакторъ свящ. *Н. Коноплевъ.*

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.